
ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Анатолий Панин
(г. Харьков)

ПАМЯТИ НЕВЫНУТЫЙ ОСКОЛОК
(Рассказы)

Анатолий Семенович Панин — харьковский журналист и русскоязычный писатель-прозаик. Долгое время работал в областной печати, редактировал многотиражки Харькова и области. Издал ряд книг, в том числе документальную повесть о В. С. Гризодубовой, изданную на русском и украинском языках (журнал «Слобожанщина»). Ниже публикуем рассказы из книги рассказов о Великой Отечественной войне.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Мишка-Танкист вбежал в подполье разбитого дома, где отдыхали его товарищи по взводу, и своим звонким мальчишеским голосом закричал:

— Ребята! Паулюса в плен взяли! Сам видел, как его из подвала универмага выводили. Длинный такой, худой, немолодой уже.

— Да ну?! — послышалось в ответ — Значит, конец Сталинградской битве!

— Погодите радоваться,— рассудительно заметил комвзвода сержант Белов (мл. лейтенанта Кова-

* Из книги, любезно переданной в редакцию «ПЗ» автором: Панин А. Памяти невынутый осколок: Рассказы о войне.— Харьков: Майдан, 2004.— 100 с.

ленко они вчера похоронили, и сержант остался старшим по званию в их сильно поредевшем изводе).— Немцы еще не капитулировали и продолжают сопротивляться.

— И все равно это их последние дни в Сталинграде,— уверенно произнес боец со странной для многих (но обычной в Сибири) фамилией Серых.

— Это точно! — пробасил всегда немногословный Аникушкин.

— Вот что, ребятки,— встал перед бойцами сержант.— Нам поставлена задача: двигаться в южном направлении и заглядывать в каждый подвал, в каждое укрытие и выкуривать оттуда фрицев. Ясно? Будем действовать по обстановке — где парами, где в одиночку. Сдавшихся в плен отводить на сборный пункт (указатели будут на улицах). Оружие применять лишь к тем, кто «хенде хох» не понимает. Пошли, друзья! — скомандовал Белов, и бойцы потянулись к выходу.

...Паулюса пленили 31 января 1943 г. Именно пленили, потому что он на неоднократные предложения о добровольной сдаче вместе со своими войсками неизменно отвечал отказом. В городе еще гремели орудия, взрывались гранаты и мины, строчили автоматы и пулеметы, но напряжение боев стремительно стихало. Участь окруженных врагов была уже решена. Однако немецко-фашистское командование, подчиняясь истерическим требованиям Гитлера — «стоять до последнего солдата» — продолжало упорствовать, обрекая своих солдат и офицеров на бессмысленную гибель. Многие из них уже поняли это и, бросая оружие, вылезали из укрытий с поднятыми руками.

Когда Паулюса доставили к представителю Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии маршалу артиллерии Н. Н. Воронову и тот обратился к нему «господин генерал-полковник», Паулюс прервал переводчика: «Я генерал-фельд-маршал!».

Оказывается, всего два дня назад Гитлер, так сказать, для поднятия духа командующего и его погибающих солдат прислал Паулюсу радиogramму, в которой поздравил его с повышением в звании, но, естественно, выслать ему новые погоны не успел. А если бы и успел, это уже ничего изменить не смогло. Над агонизирующей армией уже витал дух полного разложения.

Мишка Федоров, прозванный Танкистом, потому что раньше он действительно им был, маленький, юркий и самый молодой во взводе, держа автомат наизготовку, нырял из подвала в подвал. Товарищ едва поспевал за ним. Вскоре они наткнулись на немца. Тот сразу бросил свой «шмайсер» и скинул кверху руки. Товарищ повел его на сборный пункт, а Мишка побежал дальше. В скверике возле вокзала он на минутку задержался. Вспомнил, как в начале августа прошлого года сидел здесь, укрывшись от жаркого солнца, в тени деревьев у фонтана, по окружности которого, взявшись за ручки, плясали гипсовые мальчики и девочки. Что теперь стало с фонтаном! Где отбита ручка, где покорежена ножка, где раздолблена головка... Деревья срезаны до полуметровой высоты, а уцелевшие согнулись в разных направлениях, измочаленные осколками и пулями...

Невдалеке застрочил автомат, надо бежать туда. Пленили еще нескольких фрицев. А потом Мишка помогал снять с переходного мостика повешенного немцами железнодорожника. Ветка замерзла и не поддавалась, обрезали ее ножом, и погибшего осторожно, будто боялись чем-то еще навредить ему, опустили на пилу и положили у насыпи. Хоронить будут потом и уже другие. Трупов столько, что в некоторых местах они лежали сплошняком и на мерзлой земле: немцы и наши. Сошлись в последней рукопашной схватке и теперь, успокоенные, мирно лежат вперемешку...

Мишка остановился между двумя разваленными до основания домами. Словно на переднем — натурном — плане не известной еще зрителям панорамы здесь была запечатлена леденящая кровь сцена. В центре ее — черный немецкий танк. Наш снаряд пробил ему броню сбоку, где она не очень толстая, и снес голову водителю — так он и

застыл за рычагами без головы. Командир танка пытался вылезть из башни, но, проши-
тый автоматной очередью, повис вниз головой, зацепившись ногами за крышку люка.
У гусеницы лежал в немыслимой позе третий член экипажа. Напротив, наполовину
высунувшись из окопчика, — моряк с гранатой в руке. Он изготавился бросить ее, но
так и не успел. Мороз сковал могучее тело моряка, из-под бушлата виднелся уголок
тельняшки, а ветерок шевелил ленточки бескозырки. Рядом, друг на друге, немцы и
наши, застывшие в бойцовских позах, с автоматами и примкнутыми штыками винто-
вок... Здесь был такой отчаянный, всесокрушающий бой, что и у художника-баталиста
дрогнула бы кисть в руке, если бы он взялся перенести это сражение на холст...

И привыкший здесь уже ко всему Мишка вдруг почувствовал, как больно сжа-
лось сердце: похожее он уже испытал. Их «тридцатьчетверка» поддерживала наступ-
ление пехоты. Неожиданно немецкий снаряд «вмазал» в моторную часть. Танк
вспыхнул, а в баке — почти полная заправка. «Покинуть машину!» — крикнул ко-
мандир. Стрелок-радист Мишка Федоров быстро открыл нижний люк, ящерицей вы-
скользнул на землю и заработал локтями, давая возможность выползти товарищам.
Почувствовал вдруг, что на спине у него загорелся комбинезон. Мгновенно перевер-
нулся на спину, потом на брюхо и так покатился под уклон. Обернувшись назад, уви-
дел, что механик-водитель застрял в люке, а командир, не теряя времени, махнул че-
рез верхний люк, но срезан был пулеметной очередью. «Может, он только ранен? —
подумал Мишка. — Надо вернуться помочь». Но тут рванул бак с горючим, все заво-
локло дымом, и Мишка, задыхаясь и глотая слезы от бессилия и горечи, пополз к
спасительной посадке...

Все это, как на кадрах кинохроники, промелькнуло в голове у Мишки. Очнув-
шись, он кинулся догонять своих ребят, тепло принявших его, «безлошадного», в
свой пехотный взвод.

На следующий день «подчистка» продолжалась. Мишка доставил на пункт сбора
двух пленных. Возвращаясь, он вдруг заметил выходивший откуда-то из-под земли
дымок. Что там такое? Увидев вход в землянку, осторожно спустился по проделан-
ным в земле ступенькам. Одной рукой ухватился за деревянную ручку дверки, дру-
гой выставил вперед автомат, сильно дернул, отчего дверца враз распахнулась, от-
прянул в сторону и крикнул:

— А ну, выходи! Хенде хох!

— Не шуми, солдатик, — услышал в ответ. — Лучше сам иди сюда.

Все еще держа палец на спусковом крючке. Мишка вошел в полутемную землян-
ку, осмотрелся и неожиданно для себя рассмеялся:

— Ты чего, дед, так чудно одет?

— Да не чуднее фрицев, которые тряпками обмотанные по щелям прячутся. У
меня хоть половина, зато настоящего овчинного кожуха. Видишь ли, вчера забежал
сюда фриц. Худющий, голодный, глаза слезятся, руки дрожат. Обшарил горшки —
пусто. Увидел на мне кожух и вцепился в него обеими руками. «Дай!» — кричит.
Видно, только это слово и знает по-русски. А я, конечно, не отдаю. Тянули, тянули
каждый в свою сторону, кожух по швам затрещал. Тогда немец выхватил штык-нож
и прямо пополам, сверху вниз, разрезал шубейку. Схватил свою половину, прижал к
груди и выбежал из землянки, крича: «Зуппе, зуппе!» Суп, значит, варить будет из
нее. Вот и мне из этой половины придется, — невесело усмехнулся дед, тронув един-
ственный рукав бывшего добротного полушубка. — Есть-то все равно нечего.

— Потерпи немного, старик, — приободрил его Мишка. — Пища уже здесь, а
«котла», почитай, нет — так, остатки подбираем. Скоро тут будет наведен полный
порядок.

— Слава те, господи! — перекрестился дед. — Значит, война на переломе. Теперь
вы их погоните.

— И передыху им не дадим — аж до Берлина! — подхватил слова деда Мишка.

— Ну, ну! Помогай вам Бог.

— Бог тут не причем — сами управимся.

Все еще посмеиваясь над необычным одеянием деда, Мишка вышел из землянки и отправился по своему маршруту. Перестрелка постепенно затихала. Город, точнее, его невообразимые развалины, переходил под власть Красной Армии. В подвале, где расположился на отдых взвод Белова, было тепло: кто-то раздобыл чугунную «буржуйку», а за дровами далеко ходить не потребовалось: кругом валялись расщепленные доски, разбитые рамы и многое другое, что могло гореть. И приварок горячий удалось организовать. Довольные солдаты завалились спать, на всякий случай все-таки выставив караул.

Ночью землю присыпал легкий снежок, немного прикрыв страшные раны войны. А утро выдалось тихое, с легким морозцем, солнечное — утро 2 февраля 1943 г. Этот день уже к обеду объявили днем завершения Сталинградской битвы. Почти 200 дней она грохотала по Донским и Приволжским степям и в самом городе. Сколько жизней унесла! Сколько горя причинила!

Взвод Белова, пришедший к победному дню с восемнадцатью «действующими штыками», еще не знал о конце битвы (о чем уже сообщили по радио, которого у бойцов не было) и продолжал проводить подчистку, потому что не все фашистские вояки сложили оружие. И Мишка в тот день только благодаря быстрой реакции не умножил числопогибших.

Он обследовал какой-то разбитый дом. Неожиданно из-за угла выскочил немец и сразу вскинул автомат. Мишка опередил его на долю секунды, фриц грохнулся набок, потом перевернулся на спину и затих, выронив «шмайсер». Пальцы его скрючились, подбородок и острый кадык на шее усталились в небо.

И второй раз едва не погиб молодой боец. А было так. Мишку заинтересовало что-то блестящее в развалинах: четыре стены, открыв чистый квадрат покрашенного пола, завалились наружу, как будто их кто-то толкнул богатырским плечом изнутри. И в одном углу бывшей комнаты, поблескивая никелированными деталями, лежали в беспорядке три фотоаппарата. Мишка издавна имел слабость к фотоделу, занимался в фотокружке при Доме пионеров, сделал сам аппарат с объективом из старых бабушкиных очков. Но что его самоделка, когда рядом лежат прекрасные цейсовские аппараты! Наверное, они повреждены, раз их бросили. Но из трех-то аппаратов он соберет один действующий, это точно. И Мишка полез через гору битого кирпича. Уже был в каком-то метре от заветной цели, когда зацепился за не увиденную раньше проволочку, и справа под кирпичами что-то щелкнуло. Прежде, чем он что-то сообразил, ноги сами вынесли его через завал в противоположную сторону. Мишка бросился на землю и закрыл голову руками. В развале ухнуло, вверх полетели обломки кирпичей и, падая, забарабанили ему по спине.

Фотограф-любитель встал, отряхнулся, громко чертыхнулся по адресу коварных немцев, но второй раз испытывать судьбу не стал. Черт с ними, этими аппаратами, впереди еще немало городов, которые придется очищать от пришельцев, авось там больше повезет и у него будет классный аппарат.

Свежий снег слегка приукрасил изуродованную непрерывными боями землю. А с другой стороны, это было не такое уж благо, так как запросто можно было подорваться на mine. И саперы уже работали, осторожно разметая снег, извлекали мины, обезвреживали их и складывали в сторонке от проложенных тропок, по которым только и можно было безбоязненно ходить.

Возле сиротливо стоящей березки с обрубленными ветвями, чем-то похожей на солдата с ампутированными конечностями. Мишка остановился передохнуть. Неожиданно возле его ног зашевелилась земля. Что за чудо? Обсыпая снег, приподня-

лась какая-то крышка, и оттуда, как из суфлерской будки, выглянуло бледное личико. Мишка откинул крышку и помог выбраться худющему мальчугану. Тот долго шурился от яркого солнца, потом спросил:

— Ты кто? Красный?

— Разве не видишь? Смотри, вот звездочка на шапке.

— А стрелять уже перестали?

— Перестали. Откуда ты взялся?

Мальчик схватил Мишку за руку:

— Пойдем, покажу.

Они стали спускаться узеньким ходом под землю. В нос ударил тяжелый спертый воздух. Повернули налево, потом направо — и оказались в квадратной земляной норе, едва освещенной потрескивающей коптилкой. Под тряпьем что-то зашевелилось.

— Ну что там, Васек? — прошелестел слабый женский голос. Немного привыкнув к полумраку, Мишка разглядел трех женщин, кутавшихся в какие-то немислимые лохмотья. С большим трудом уговорил их вылезти наружу. У них закружились головы от свежего воздуха и яркого света. Усадил женщин на лежащее поблизости бревно. Они рассказали, что не сумели уехать из города. Чтобы спастись от жестоких бомбежек и обстрелов, воспользовались брошенной щелью. Накрыли ее сорванными с петель дверями, досками, засыпали землей и стали здесь жить, выходя наружу лишь ночами, а последнюю неделю почти не вылезали из своего убежища.

— А чем же вы питались? — поинтересовался Мишка.

— А вон видишь, убитая лошадь лежит?

Мишка посмотрел в ту сторону и увидел лишь торчащие из снега ребра.

— Не одни мы кормились ею, — опередила его вопрос одна из женщин. — В последнее время даже немцы повадились сюда ходить. Хорошо, что приморозило. Мясо, можно сказать, не испортилось, только трудно его обрезать стало, топориком рубили. Потом варили, если удавалось, а то и сырым пробавлялись.

У Мишки было с собой немного хлеба, кусочек сахара. Все отдал сталинградцам, худыми землистыми лицами напоминавшими обитателей какого-то фантастического подземного города. Они, словно не веря, настоящий ли, жадно нюхали хлеб, а мальчишка вертел в руках кусочек сахара, не зная, что с ним делать... Проходя мимо развалин театра, Мишка заметил, что из его подвала выползает едкий, удушливый дым. Позвал оказавшихся поблизости двоих своих товарищей. Вошли. Присветили фонариком: что-то непонятное, но тут солнечный луч, пробившийся сквозь разбитое окошко под потолком, высветил картину, от которой ребята содрогнулись.

На бетонном полу лежало несколько обугленных скорчившихся тел. В стороне валялась канистра из-под бензина. По обрывкам одежды бойцы без труда установили, что это наши красноармейцы, попавшие в плен. Фашистские изверги, очевидно, ничего от них не добившись, облили их бензином и сожгли живьем... А Мишка еще пожалел того немца, которого пристрелил утром. Думал, что тот скорее машинально, чем сознательно вскинул на него автомат. Черта с два! Они и сейчас, наверно, считают себя суперменами, а нас — недочеловеками, унтерменшами...

Мишка почти случайно оказался в том месте, где лежал на земле «его» фриц. Не выдержал, подошел. Лежит в той же позе, даже золотое кольцо на правой руке никто не снял со скрюченного пальца. Но что это? Кругом чистый белый снег, а вокруг убитого немца какой-то серый ореол шириной сантиметров пятнадцать. Присел. Разглядел поближе — и вздрогнул от омерзения. «Ореол» шевелился — это из остывающего фрица выползли пригревшиеся на нем вши. Тысячи вшей! Где они только помещались!

Солдат вспомнил, как прошлым летом они оказались в числе вырвавшихся из Изюм-Барвенковского котла под Харьковом. Тогда на длинном пути отступления им

тоже пришлось «покормить» этих неизвестно откуда взявшихся насекомых, но чтобы иметь такое их количество!? В голове не укладывалось. Очень трудно тогда пришлось. Спали на земле прямо в степи, питались тем, что могли им вынести сердобольные женщины, лежали под бомбами и пулями воздушных стрелков, ощущая на зубах горький вкус полыни, подымались и брели, шатаясь, по степной дороге дальше, не имея даже возможности похоронить погибших товарищей.

А многие немцы в Сталинградском котле совсем опустились. Продовольствие кончилось. Сбрасываемое с самолетов часто попадало, так сказать, не по адресу. Поели всех лошадей, переловили собак и кошек, не брезговали мышами. Грязные, заросшие, обовшивевшие до такой степени, что насекомые уже ползали табунами по наружной стороне шинелей, они втайне от офицеров все чаще сдавались в плен. А в последние дни января по сути шла массовая сдача, хотя Паулюс так и не подписал акт о капитуляции и не дал войскам приказа сдаваться в плен.

Под конец дня Мишка и его товарищи по взводу оказались и южной части города, в районе Бекетовки. По протоптанным и снегу глубоким тропам здесь двигались бесконечные вереницы пленных немцев. Охотнее их сдавались румыны, итальянцы, испанцы, венгры, дивизии которых немцы пригнали в заснеженные приволжские степи для усиления наступательных операций. Интересно, что «союзнички» старались держаться отдельно, не смешиваясь с «хозяевами», которые смотрели на своих «партнерш» снисходительно, а то и презрительно.

Проходил час за часом, а пленные все тянулись нескончаемой, унылой чередой. Руки глубоко засунуты в рукава, головы обмотаны женскими шерстяными платками и просто тряпками. У некоторых на ногах нелепые соломенные эрзац-валенки — последнее «изобретение» немецких интендантов. Лица землистые, под носом сосульки, которых Мишка не видел у наших людей даже и сорокаградусные морозы... Жалкое зрелище. Не верилось, что еще недавно они ожесточенно вели огонь, поднимались в атаку.

— Вот у этих фрицев действительно последние дни на войне, — сделал Мишка вывод, обращаясь к сибиряку Сашке Серых, стоявшему рядом.

— Конечно, — подтвердил товарищ. — Все! Конец! «Гитлер капут!» А нам-то еще воевать и воевать. До Берлина-то ого сколько!

— О Берлине поговорим потом, — присоединил к товарищам свой голос Витька Аникушкин. — Главное — Сталинград отстояли, не дали немцам похозяйничать на берегах Волги.

— Да-а! «Котелочек» им хороший устроили! — резюмировал сержант Алексей Белов.

Мишка молча кивнул в знак согласия, а самого его яркой вспышкой пронзила мысль о том, что нам «котелочек» они устроили раньше и пострашнее. Сашка и другие ребята их взвода попали в Сталинград из пополнения, откуда-то из Сибири приехали и не испытали того, что испытал он в мае 1942 года. Тогда, увлекшись успешным наступлением с Барвенковского выступа на Харьков (с 12 по 19 мая было освобождено свыше 300 населенных пунктов, взято много пленных, оружия и т.п.), командование Юго-Западного фронта пренебрегло опасностью, которая нависала над ними с флангов, и немцы (в основном та же 6-я армия под командованием того же Паулюса) не замедлили этим воспользоваться. «Мешок» завязали быстро и решительно. Уже к 23 мая наши войска, куда бы ни пытались пробиться, везде натывались на губительный огонь. И с каждым днем кольцо стало сжиматься. В этих условиях никаких оборонительных сооружений не построишь, один выход — прорываться. Нашупали сравнительно слабое звено на небольшом участке у Донца. Стали спешно переправляться, а затем — через Оскол, и хотя не широка эта речка, но сколько и там ушло под воду наших бойцов, чтобы потом всплыть трупам... Совсем недолго «ва-

рились в котелке» почти четыре армии советских войск, но потеряли не меньше, чем Паулюс потом в Сталинграде...

Согревала сейчас Мишку лишь мысль о том, что после Сталинграда в войне обязательно наступит перелом, и наши Вооруженные Силы, наученные горьким опытом отступления, начнут активно наступать. И силы у немцев будут убывать, а у нас — нарастать. И хотя не знал Мишка стратегических планов Верховного Главнокомандования, но, как боец переднего края Фронта, чувствовал это, что называется, нутром.

А в Берлин Мишка войдет... нет, въедет на новом могучем танке. И на теплой броне его удобно примостятся десантники — Сашка Серых, Витька Аникушкин, Алексей Белов и другие ребята их обновленного взвода...

Так думалось и мечталось Мишке в эти часы. Думали и мечтали и его товарищи — каждый о своем. Но неизменно их думы сходились на пути в Берлин. Все понимали; иной дороги домой для них нет.

ТОВАРИЩ РОЛЛАН

«Французы знают, что сделала для них Советская Россия. И знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении».

Генерал Шарль де Голль

Жаркий и хлопотный августовский день клонился к вечеру. Последние вернувшиеся с задания самолеты заруливали на стоянку. Я снял наушники и выключил приемник. А в ушах все еще звучало: «Остров, я Сокол-5, иду на посадку, имею повреждение, освободите полосу». Руководитель полетов немедленно принял меры. И вот вижу, как прямо на мою радиостанцию падает этот самый Сокол-5 — наш «Як». «Ты же мне антенну снесешь!» — выскочив из машины, кричу ему, махая кулаком, будто он в этот момент мог меня слышать.

Едва не зацепив антенну. «Як» мягко плюхнулся на песочную дорожку и, вздымая пыль, заскользил на «брюхе» к посадочной полосе. Слава богу, все обошлось благополучно. Теперь можно и передохнуть. Откинулся на спинку сидения, прикрыл глаза. И вдруг слышу негромкое:

— Товариш! Товариш!

Открываю глаза. У дверцы стоит французский летчик. Только какой-то он не такой. Все летчики, каких я знал в полку «Нормандия-Неман», с которым мы часто ба-

зировались на одном аэродроме, парни темноволосые, бравые, а этот какой-то рыжеватый, редковолосый, невзрачный, совсем не француз по виду.

— Что вы хотели? — спрашиваю.

— Товарищ! Мне это... — и выразительно покрутил пальцами, кивая на приемник. — Мне Пари. Пожалуйста.

Я понял: француз хочет, чтобы я ему поймал Париж. Приглашаю в машину. Он благодарно улыбнулся, уселся рядом и стал напряженно прислушиваться к звукам, доносившимся из приемника. Пошарив в эфире на одном диапазоне, переключился на другой. Морзянку сменяет музыка, потом какие-то заунывные голоса, снова морзянка... Веду стрелку дальше. И вдруг гость взволнованно сжал мою руку:

— О-ля-ля! Пари, Пари!

Настроил получше, прибавил громкости. Летчик слушал, чуть раскачиваясь и слегка притопывая ногой. Глаза его радостно сияли, губы что-то нашептывали.

Я уже слышал, что парижане подняли восстание против проклятых бошей, как они презрительно называли немцев, и летчики из «Нормандии» нетерпеливо ждали вестей из своей столицы. «Мой» француз, посидев у меня с часок, поблагодарил и ушел, а на другой день после полетов снова был на радиостанции.

Как же иногда бывает обманчива внешность! Я уже узнал, что этот «неказистый французик» — один из знаменитых асов полка, на счету которого уже 15 сбитых самолетов врага. Узнал и фамилию — Роллан де ля Пуап. А эти непонятные нам «де ля» указывают на то, что он из знатного дворянского рода, виконт (граф в нашем понимании).

Да, были в «Нормандии» и графы, и бароны, были и, так сказать, рядовые французы, даже один простой рабочий. И это весьма показательно: ненависть к наглым захватчикам подняла на священную борьбу с ними не только низы, но и представителей именитых родов. Одни из них воевали в отрядах французского Сопротивления, другие — в различных воинских соединениях стран антигитлеровской коалиции.

А «Нормандия» начиналась так. В декабре 1942 г. небольшая группа французских летчиков и авиатехников добралась из Северной Африки через Иран в Советский Союз, чтобы вместе с воинами Красной Армии громить фашистов. Их хорошо приняли, дали современные самолеты и все необходимое. Летчики, которые еще на родине имели солидный налет (некоторые даже закончили специальные школы высшего пилотажа), довольно быстро освоили наши «Яки», а вот с техниками — одна беда. Многие из них и снега настоящего не видели, а тут на морозе пальцы к металлу прихватывает. Да и не привыкли они к таким объемам ремонта в полевых условиях. Увидев изрядную пробоину в фюзеляже, безапелляционно заявляли: «На завод!» Но завод — за тысячи километров, а фронт — вот он, рядом, и он не будет ждать. В общем, попросили французские летчики дать им русских механиков. И положение коренным образом изменилось.

Бывает, возвращается самолет с задания весь в пробоинах. Летчик вылезет, посмотрит, присвистнет и, безнадежно махнув рукой, идет в свое жилище. А наши техники натянут палатку и при свете переносных ламп за ночь не только залатают дырки, а еще и закрасят эти места. Утром летчик подходит к самолету и не узнает его: посверкивает на солнце как новый.

Очень полюбили французы наших «технарей». Наверно, многие из нас (я имею ввиду старшее поколение) видели фильм «Нормандия-Неман» Там ярко показан эпизод, когда летчик де Сейн перелетал на другой аэродром, разместив в фюзеляже и своего техника Владимира Белозуба. В полете случилась утечка горючего. Кабину заволокло парами бензина. Пришлось возвращаться. Летчик пытается сесть, но уже ничего не видит. Ему приказывают прыгать. Он отказывается, так как у механика нет парашюта. Садится вслепую — и они оба разбиваются...

А вот еще один — из числа других — эпизод, описанный летчиком Франсуа де Жоффром в его переведенной у нас книге «Нормандия-Неман»:

«Утром, возвратясь с задания, я сообщил старшему инженеру полка Агавельяну:

— Истребитель очень сильно вибрирует...

Агавельян сразу же достает из своего кармана небольшой блокнот. Он на минуту задумывается и затем говорит:

— Ничего, товарищ де Жоффр. Я сменю мотор на вашем самолете за одну ночь.

Мне показалось, что он шутит. Но, придя на аэродром утром, я увидел моего славного механика Лохина, который уже заканчивал крепление капота мотора. Рядом с истребителем на порыжевшем от масла снегу лежали части старого мотора. Меньше чем за одну ночь, при сильном ветре, не имея возможности работать в перчатках, три русских механика произвели замену мотора в 1200 лошадиных сил.

Я хотел бы достичь величия этих людей. Особенно теперь, когда мы еще больше приблизились к фронту».

...Для «Нормандии-Неман» и для нашего авиаполка война закончилась в Восточной Пруссии, в г. Эльбинге. Дальше не успели продвинуться: много времени и сил отняли штурм мощно укрепленной цитадели пруссачества Кенигсберга, аэродромов и узлов сопротивления на косах Фриш-гаф и Куришес-гаф, города и крепости Пиллау.

Французских летчиков наше правительство пригласило в Москву, устроило им прием, отметило наградами. А во Францию они возвращались на «своих», подаренных им замечательных самолетах «Як-3». Следом на транспортных самолетах летели их верные «технари». Почти неделю они гостили у своих французских побратимов и были отмечены французскими наградами.

Это были незабываемые дни великого единения народов, сбросивших с себя страшное ярмо немецкого фашизма...

Но вернемся немного назад, к напряженным дням ожидания добрых вестей из Парижа.

Роллан де ля Пуап в тот вечер долго не уходил с радиостанции. Слушал. Радовался, хмурился. Наконец положил наушники:

— Думаю, завтра бошам капут. Пари будет либерте... свобода.

Но француз немного ошибся. Ночью, где-то уже под утро, я проснулся — нет, вскочил с ошалело бьющимся сердцем: громкие крики и беспорядочная стрельба ворвались в наши землянки,

Что, немцы пробились? Или десант высадили? Хотя где им теперь. Оказалось, лондонская радиостанция только что передала сообщение о том, что в эти часы, 25 августа 1944 года, войска генерала Леклерка во взаимодействии с поднявшим восстание населением Парижа освободили французскую столицу. Париж свободен! Новость мгновенно разлетелась по гарнизону, словно пружинами сбросила французских летчиков с постелей.

Как они ликovali! И вместе с ними от души радовались мы. Обнимались, кричали что-то нечленораздельное, стреляли вверх из пистолетов, автоматов, винтовок — у кого что было. Кто-то из наших штурманов вскочил в кабину своего «Ила» и прорезал небо разноцветными трассами крупнокалиберного пулемета.

Бедные жители расположенного рядом литовского городка, не зная, в чем дело, метались в испуге по улицам и прятались в подвалах...

В то утро мы долго не расходились по своим местам. Выкрикивали вместе с французами «Париж — либерте!», поздравляли их, они — нас, хорошо понимая, что без побед на советско-германском фронте не пришло бы и освобождение Парижа. Все радовались и говорили о скором окончании войны.

Но до ее конца пришлось еще немало пройти. И немало оставить на пути могил... В одну могилу с советскими бойцами, штурмовавшими Кенигсберг, лег французский

летчик Анри. Еще сорок пять его соплеменников, товарищей по оружию сложили свои крылья в боях с фашистскими захватчиками на далекой от родины земле. Ненависть к ним сплотила в одну семью заслуженных асов и совсем молодых летчиков, потомственного пролетария Марселя Альбера и потомственного дворянина виконта Роллана де ля Пуапа. На счету Альбера — 23 сбитых фашистских самолета, де ля Пуапа — 16. Им, а также еще двоим однополчанам — Жаку Андре и Марселю Лефевру (посмертно) присвоено звание Героя Советского Союза. Всего же французские летчики сбили 273 самолета противника, а также уничтожили немало живой силы и техники врага на земле. Они умножили своими подвигами славу свободолюбивого народа Франции.

На прощальном вечере командир полка «Нормандия-Неман» полковник Луи Дельфино проникновенно сказал: «Совместно пролитая кровь французских и русских летчиков в боях с фашизмом навеки скрепили нашу дружбу».

Хочется верить, что дружба эта, действительно, будет вечной!

МАТЬ

— Ур-а-а-а! Побе-да-а! Урр-а-а!

Прошло всего несколько секунд, как дежурный офицер выкрикнул эти слова, и вот уже, кажется, даже камни мостовой захлебываются в ликующем крике. А от разноцветных пунктиров трассирующих пуль и вспышек ракет словно приблизился рассвет.

Маленький и тихий немецкий городок был взбудоражен той майской ночью ревом голосов и беспорядочной стрельбой — уж очень все ждали сообщения об окончании войны, и оно пришло сюда еще до того, как была оповещена вся огромная наша страна и весь мир — ведь война-то была мировой. Второй мировой. 61 государство вовлекла она в свою орбиту, 50 миллионов убитых — ее кровавый счет...

Немаловажно отметить такое событие: за день до официального объявления об окончании войны американцы, стремясь присвоить себе славу главных победителей, распространили сообщение о том, что они уже приняли капитуляцию от немцев. Узнав об этом, представитель Ставки главнокомандования маршал Г. К. Жуков, находящийся в это время в Берлине, был страшно возмущен сепаратными действиями союзников и организовал эту операцию так, как должно быть. Он пригласил высших военных представителей Америки, Англии и Франции в замок Карлсхорт, где и была

в присутствии военных и журналистов принята от представлявших Германию государственных деятелей безоговорочная капитуляция и подписан соответствующий акт в ночь на 9 мая 1945 г.

Интересная деталь. Когда ввели в зал представителей развалившегося третьего рейха и предложили им сесть на отведенное им за столом место, Кейтель уселся с важным видом, водрузил на глаз монокль и достал золотую авторучку. Дескать, я готов подписывать акт, давайте его. Жуков посмотрел на эти попытки проявления нацистской спеси и приказал адъютанту внести в зал маленький столик и поставить его у стены, сбоку от стола. На столик положили акт, и Жуков показал этим представителям, уже не представлявшим никого, что нужно встать и подписывать акт, стоя у столика. Спесь с гитлеровских выкормышей враз слетела.

Об этом нашей туристской группе, приезжавшей в ГДР, рассказала хранительница музея, созданного ею в замке Карлсхорст. Там сохранялись в полном порядке кабинет Г. К. Жукова и вся подлинная обстановка в зале. Уцелело ли все это сейчас? Сомневаюсь.

Но вернемся в немецкий городок в то утро 9 мая 1945-го. С наступлением дня всеобщее ликование продолжалось с новой силой и шло как бы перекатами, волнами. Бойцы, накричавшись и настрелявшись в воздух, тщательно брились, доставали из сидоров и чемоданов чистое обмундирование, начищали до блеска сапоги и, оставив на попечении дневальных автоматы и винтовки, с которыми не расставались все годы войны, спешили на небольшую, как и во многих немецких городах, площадь. Здесь уже играли баяны, гармошки, трофейные аккордеоны, в лихой пляске сбивали каблуки бравые гвардейцы, а раскрасневшимся нашим военным девчатам не давали передышку.

Осмелевшие местные жители толпились в сторонке. Многие из них откровенно радовались: видно, война осточертела и им.

Солдаты постарше с улыбкой посматривали, как веселится молодежь, степенно покуривали, обменивались короткими фразами. И весь разговор крутился вокруг одного: когда по домам?

— Ишь, земля как прет! — раздумчиво говорил уже в годах усатый ефрейтор. — Рук крестьянских требует. А какие там сейчас в деревне руки остались...

— Это так, — поддакивал ему сержант с коричневатым, в резких бороздках лицом. — Одни бабы да ребятишки надрываются.

— Слышал я, с завтрава уже старшие возраста отпускать будут, — не совсем уверенно произнес рябоватый низенький солдат, затягиваясь толстенной самокруткой.

— А что, очень даже возможно, — подтвердил сержант. — Мне писарь наш говорил, что начальство уже списки потребовало на просмотр.

— Ох, и далеко же мы, братцы, забрались! — вступил в разговор молодцеватый старшина со шрамом на лбу. — Почитай, всю Европу протопали. Теперь и поездом до дому не скоро доедешь.

— Сеять уж так и так опоздал, а к уборочной в аккурат доберешься, — послышался веселый голос.

— А чего, старшина, торопиться? — подзадорил кто-то. — Смотри, как немки на тебя глаза пялят, любая за муженька примет...

Шутки, смех, задорные голоса, песни, музыка словно взлетали над площадью, наполняя весь воздух каким-то необыкновенным звучанием. И вдруг они почти разом схлынули, площадь застыла в каком-то напряженном молчании. С той, западной стороны вошла на площадь толпа женщин с землисто-серыми лицами. Впереди широко шагала, резко выбрасывая суковатую палку, высокая старуха. Из-под темной шали выбились пряди серебристо-белых волос.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: наши, русские. Сколько их вы-

везли на работы в Германию! Непонятно только, откуда здесь старуха? Немцы забирали кого помоложе, поздоровее. Изможденные лица женщин светились радостью освобождения. Они жадно смотрели по сторонам, заражаясь общим праздничным настроением. Только старуха никуда не повернула головы, по-прежнему смотрела прямо перед собой, и пыталась идти дальше. Но солдаты окружили женщин. Расспрашивали, кто откуда, интересовались, в каком лагере горе мыкали. Кто-то принес консервы, кто-то — хлеба... Делились тем, что было, так щедро, с такой благожелательностью, что у многих заблестели на глазах слезы.

— Родные вы наши! Освободители! Спасибо вам, соколики! Спасибо,— приговаривали они, принимая солдатские дары.

— Куда путь держите, бабоньки?

— На Смоленщину. Земляков, случаем, нет?

— А мы теперь здесь все земляки — кто из Смоленщины, кто из Сибири, кто с Кавказа,— глубокомысленно заметил молодой солдат с орденом Славы на груди и обратился к старухе: — А ты, мать, как попала сюда? Аль и тебя на старости лет герман угнал?

Женщина поправила платок и тихо ответила:

— Нет, не угонял меня герман — сама я пришла сюда.

— Что, лично посчитаться с Гитлером решила? — засмеялся солдат. Но старуха укоризненно посмотрела на него и так же негромко сказала:

— Сынка я вчера здесь похоронила...— В толпе сразу притихли: так это не вязалось — солнечный день, праздник Победы и — смерть.

— Как же, мать, получилось это? — дрогнувшим голосом спросил кто-то.

— А так. Прислал мне сын письмо с соседом, отпущенным домой. Из госпиталя: «Если хочешь еще увидеть меня, приезжай. Раненый я сильно, тяжело мне умирать на чужой земле, не повидав тебя»... И где лежит, прописал. Я с тем письмом да на дорожку. Машин много к фронту идет. Так и доехала с военными шоферами. Быстро домчали — уважили мое горе. Нашла я его. Увидел меня, улыбнулся. Спасибо тебе, мама, говорит, легче мне теперь... Да так у меня на руках и заснул вечным сном. А утром похоронили его. С почестями, при знамени. Герой, говорят, твой сын был, гордись им. Орден его мне вручили, вот (достала из холщовой сумки орден Отечественной войны в коробочке). Отправим, говорят, тебя с эшелоном, честь по чести... А что мне той эшелон! Да и когда его снарядят. Взяла с могилы сыночка горсть земли и пошла. Авось на попутных быстрее доберусь. (Вытащила из-под пальто маленький узелок, скорбно вздохнула: «Она хоть и чужая земля, постылая, а все ж и за нее сын кровь пролил».)

Старуха спрятала узелок, запахнула поглубже пальтишко, обернулась к женщинам:

— Что ж, пойдемте, что ль! Путь не близкий, а дома, чай, заждались.

Она вскинула палку и зашагала сквозь молча расступавшуюся толпу. Прямая, строгая, с глазами, в которых уже не было слез, а только таилась невыразимая боль матери, потерявшей единственного сына... И неспроста, поравнявшись с матерью, сбились с шага, вобрали головы в плечи пленные немцы, небольшую колонну которых наши бойцы вывели откуда-то с боковой улицы...

Долго глядели вслед широко шагавшей матери притихшие воины. Они будто наяву увидели в ней и своих заждавшихся, страдавших матерей, ощутили с особой силой, что значит для них, для всего нашего народа и народов освобожденных стран эта Победа, рожденная в огне тяжелых боев и сражений.

